

Россинский С.Б.¹

Rossinsky S.B.

**«НЕВЕРБАЛЬНЫЙ» СПОСОБ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАВЕНСТВА В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**«NONVERBAL» WAY OF PROCEDURAL COGNITION IN THE CONTEXT
OF JUSTICE AND EQUALITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Автор настоящей статьи, вступая в полемику с концепцией исключительной устности уголовного судопроизводства (судоговорения), отстаивает необходимость «невербального» способа познания обстоятельств уголовного дела как механизма не противоречащего, а, наоборот, усиливающего реализацию условий справедливости и равенства в уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: доказывание, протокол, «невербальный» способ познания, следственные действия, судебные действия.

The author of this article engaging in polemics with the concept of the exclusive orality in criminal proceedings (pleadings) defends the need “non-verbal” way of cognition of the circumstances of criminal case as a mechanism, which is not contrary to, but reinforces the implementation of justice and equality terms in the criminal procedure activities.

Keywords: evidence, protocol, “non-verbal” way of cognition, investigation, court actions.

В девятом номере журнала «Законы России: опыт, анализ, практика» за 2013 г. была опубликована наша статья «Сущность

---

¹ Россинский Сергей Борисович — доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Rossinsky Sergey Borisovich — Associate Professor of the Criminal Procedure Department at Moscow State Law University named after O.I. Kutafin (MSLA), PhD in Law.

результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу», посвященная комплексному анализу доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ и в настоящее время именуемых протоколами следственных действий и судебного заседания. Одновременно данная статья была размещена в информационных ресурсах веб-сайта Международной ассоциации содействия правосудию², в целом вызвав достаточно позитивные отклики и побудив определенную научную полемику.

Однако, видимо, далеко не все наши коллеги в настоящее время настроены на цивилизованное решение теоретических и практических проблем, стоящих перед уголовном судопроизводством, посредством конструктивной дискуссии, а предпочитают подвергать любые идеи, не укладывающиеся в рамки их понимания, достаточно резкой и необоснованной критике, граничащей с научным хамством. К сожалению, наша статья не смогла избежать подобной участи; она вызвала бурную, хотя и вполне ожидаемую, филиппику со стороны профессора А.С. Александрова. Так в комментариях к работе он в свойственном ему достаточно агрессивном стиле отметил, что протокол уходящая натура, что его надо заменить применением видеозаписи. Он же указал, что вся поднимаемая в статье проблематика является надуманной, поскольку обусловлена неправильным пониманием нами категории «доказательство»; она унаследована из советского прошлого. В комментариях профессора А.С. Александрова также имеется недвусмысленный намек о непонимании нами теории и практики уголовного процесса и т. д.

Вместе с тем анализ указанных научных замечаний (если подобную форму вообще можно назвать научными замечаниями) наглядно показывает их полную несостоятельность и голословность. К великому сожалению, профессор А.С. Александров в свойственной ему манере стал критиковать выдвигаемые нами позиции только за некую преемственность к советской процессуальной школе, которая для него, видимо, является своеобразной «красной тряпкой». При этом чрезвычайно огорчительно, что он так и не понял (или не захотел понимать) саму суть

---

² См.: Электронный ресурс. URL: <http://www.iauaj.net/node/1357> .

анализируемых нами проблем. Если внимательно прочитать и проанализировать изложенные в статье доводы, то становится очевидным, что мы как раз возражаем против доказательственного значения самих протоколов, считая их лишь формой фиксации доказательств, сформированных как органами дознания и следователем, так и столь превозносимым А.С. Александровым судом в ходе непосредственного наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности. Данный способ процессуального познания в своих работах мы называем «невербальным», понимая под ним систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (наглядно-образного) восприятия дознавателем, следователем или судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе соответствующего доказательственного гнозиса, то есть мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу³.

Таким образом, доказательства, предусмотренные ст.83 УПК РФ и представляющие собой итоги применения различных приемов «невербального» познания, мы предлагаем называть не протоколами, а именно результатами «невербальных» следственных и судебных действий. При этом за протоколом в данном случае сохраняется роль процессуального акта (документа), фиксирующего ход и результаты данных действий: осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и т.д. Кстати, точно такая же роль, на наш взгляд, должна отводиться и столь пропагандируемой А.С. Александровым видеозаписи, являющейся дополнительным средством фиксации «невербального» следственного действия. Ни одна видеозапись в принципе не может содержать сведений о каких-то других фрагментах объективной реальности, элементах вещной обстановки, кроме тех, которые

---

³ См. об этом подробнее: *Россинский С.Б.* К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // *Рос. криминологический взгляд.* 2013. №3. — С. 360–361; *Россинский С.Б.* Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. — М., 2015. — С. 58–62. С учетом многообразия толкований термина «невербальный» мы используем его в данном контексте с определенной долей условности и поэтому предпринянно берем его в кавычки.

были лично восприняты дознавателем, следователем или судом посредством наглядно-образных механизмов. Иными словами, объектив в данном контексте не могут заменить собой человеческих глаз. В противном случае речь уже идет не о дополнительных средствах фиксации следственных действий, а об использовании специальной криминалистической техники в порядке ч. 6 ст. 164 УПК РФ и о возможном участии специалиста. Протокол нельзя противопоставлять его видеозаписи; они обусловлены применением одного и того же способа «невербального» способа процессуального познания. Вместе с тем протокол, как письменный документ, безусловно, обладает гораздо меньшей информативностью чем видеозапись. Как справедливо отмечает А. А. Леви, недостатком протокола является и то, что далеко не все фиксируемые явления можно достаточно четко описать словами, например, сложную позу трупа⁴. Данные материалы дополнительной фиксации приобретают известное значение при изучении уголовного дела субъектами процессуального познания, не принимавшими участия в производстве соответствующих «невербальных» следственных действий. Для последующего «читателя» (судьи, прокурора, защитника, обвиняемого, другого следователя и т. д.) приложенная к протоколу видеозапись позволяет ему как бы «оказаться на месте» производства следственного действия и попробовать самостоятельно повторить за дознавателем или следователем наглядно-образное восприятие значимых для уголовного дела материальных объектов. В этой связи нельзя не обратить внимание на интересную позицию В. А. Семенцова, предлагающего придать видео- или аудиозаписи ведущее доказательственное значение, а в протоколе указывать лишь краткое содержание сведений, закрепленных техническими средствами, сделав его, таким образом, необходимым, но второстепенным процессуальным атрибутом⁵. Однако видеозапись нельзя идеализировать и считать абсолютно совершенным методом фиксации; наряду со своими несомненными достоинствами она не лишена целого ряда недостатков, достаточно подробно описанных в работах так

⁴ См.: *Леви А. А. Избранные научные труды.* — М., 2012. — С. 262.

⁵ См.: *Семенцов В. А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: автореф. дисс... канд. юрид. наук.* — Екатеринбург, 1994. — С. 8.

«любимых» профессором А. С. Александровым ученых-криминалистов. В частности, в современной правоприменительной практике достаточно часто встречаются случаи, связанные с выходом видеотехники из строя или банальной невозможностью зарядить элементы питания (например, при проведении следственного действия в местности, удаленной от населенного пункта). Кроме того, работа со сложной видеоаппаратурой предполагает наличие специальных умений и навыков, коими обладают далеко не все сотрудники правоохранительных органов. Использование видеозаписи также сильно затрудняется в ночное время или в каких-ли трудных погодных условиях. Тем более, что полный отказ от протоколирования помимо прочего полностью исключает право субъекта ее применения на ошибку, поскольку записать заново ход и результаты уже проведенного следственного действия невозможно. Тогда как для протокола вполне допустимы исправления и прочие формы восполнения и восстановления значимой для уголовного дела информации. Таким образом, полное исключение практики протоколирования хода и результатов «невербальных» следственных и судебных действий явно неконструктивно и лишено здравого смысла.

Кроме того, сам по себе протокол исключительно как процессуальный документ не несет в себе ничего инквизиционного. Представляется, что для определения типологии уголовного процесса важнейшими факторами должны являться не предусмотренные законом средства фиксации хода и результатов процессуальных действий (как это представляется профессору А. С. Александрову), а все-таки более концептуальные вещи: соотношение публичного и диспозитивного начала, уровень защиты прав и свобод личности, система оценки доказательств и т. д. В этой связи целесообразно напомнить, что вообще все современные виды доказательств унаследованы нами именно из инквизиционного процесса. Следуя логике профессора А. С. Александрова, необходимо помимо протоколов отказаться и от письменных заключений эксперта, и от письменных документов, заменив все эти виды доказательств столь излюбленными им судебными допросами. Кстати, и сами допросы (показания) фактически представляют собой наследие инквизиционного процесса.

Можно по-разному относиться к доказыванию: считать его сугубо познавательной деятельностью (как это делали советские процессуалисты) или, наоборот, сугубо логическим, аргументационным процессом (как это делают некоторые современные ученые), или говорить о сочетании указанных элементов. Однако при этом нельзя не признать, что свойственные для доказывания законы гносеологии и (или) логики существуют сами по себе и не связаны с установленными человеческим разумом правилами процессуальной формы. Следовательно, жизнеспособность отдельных видов доказательств должна определяться не в зависимости от исторического типа уголовного судопроизводства, и тем более, не от желания отдельных ученых, а исключительно от закономерностей восприятия человеком обстоятельств объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела. Роль законодателя в этом вопросе нам видится лишь в том, чтобы обеспечить такой правовой режим работы с доказательствами, который отвечал бы современным демократическим принципам судопроизводства, в том числе обеспечивал справедливость и равенство в уголовном процессе.

«Невербальный» способ уголовно-процессуального познания, обуславливающий формирование доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, — это объективно существующая реальность, поэтому абсолютно бессмысленно отвергать его право на существование как чуждого нашей процессуальной науке (заметим, что в подобных высказываниях четко просматриваются знакомые чисто советские нотки).

Кстати, при исследовании закономерностей формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действиях мы постарались, насколько это возможно, отойти от догматичных постулатов марксистско-ленинской диалектики и использовать в качестве методологической основы философские идеи выдающихся мыслителей XX в. Э. Кассирера, К. Р. Поппера, М. Мерло-Понти, П. Рикера, а также принять во внимание современные достижения в области психологии, психофизиологии, нейропсихологии и других наук, изучающих закономерности восприятия человеком обстоятельств объективной реальности.

Возможно, если бы уважаемый профессор А. С. Александров был знаком с некоторыми из указанных работ, он бы не выдвигал столь резких суждений относительно приоритета судебного допроса перед другими формами познавательной деятельности. Наукой уже давно установлено, что наиболее информативной является именно зрительная система; она дает мозгу 90% сенсорной информации⁶. Одно только это обстоятельство заставляет серьезно задуматься о роли вербальной информации в уголовном процессе. Но самое главное, что зрительная «невербальная» информация отличается от получаемых показаний особенностями своего осмысления, что обусловлено биологическими и нейропсихологическими закономерностями работы человеческого мозга — так называемой межполушарной асимметрией⁷. Очевидно, что подобная биологическая дифференциация механизмов вербального и «невербального» познания оказывает достаточное влияние на существующие различия между формируемыми мысленными образами. По этому поводу известный французский философ-экзистенциалист XX в., специалист в области феноменологии Морис Мерло-Понти приводил ряд интересных примеров. Так, он писал, что слепой мальчик великолепно определяет параметры зрительного восприятия; прекрасно знает, что такое ветви, листья, руки, пальцы и т. д. Однако после операции по восстановлению зрения он видит мир отличным от того, который ожидал увидеть⁸. В качестве еще одного примера он говорил, что звуковое кино, в отличие от немого, не только добавляет зрелищу звуковой аккомпанемент, но и изменяет содержание самого зрелища⁹. Полагаем, что все сказанное в полной мере относится и к уголовному судопроизводству. Оче-

---

⁶ См., напр.: Основы психофизиологии: учебник / Отв. ред. Ю.И. Александров. — М., 1998. — С. 57.

⁷ См., напр.: Хэссет Д. Введение в психофизиологию / Под ред. Е.Н. Соколова. — М., 1981. — С. 116; Лурия А.Р. Мозг и психические процессы. — М., 1990. — С. 87–90; Хомская Е.Д. Нейропсихология: учебник для вузов. — СПб., 2013. — С. 81–85 и т. д.

⁸ См.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб., 1999. — С. 288–289.

⁹ См.: Там же. — С. 301.

видно, что мысленные образы дознавателя, следователя и особенно судьи, формируемые посредством вербальных способов процессуального познания, так же отличаются от результатов наглядно-образного восприятия, как представления о мире слепого и зрячего человека. В этой связи судебный допрос никогда не сможет заменить собой «невербального» следственного действия.

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что современная психофизиология вообще разделяет всех людей на художественный, мыслительный и средний типы личности. Примирительного к процессуальному познанию А. М. Зинин называет мыслительный тип личности вербальным, указывая, что для таких субъектов ведущей является речь и они в своей практике опираются на словесно-логический материал. В свою очередь, художественный тип он называет зрительным, отмечая на преобладание в данном случае зрительных образов предмета или человека¹⁰. Ярко выраженные «художники» и «мыслители» — это люди с психическими отклонениями, «поставщики нервных и психиатрических клиник»¹¹. Принимая во внимание существующие в государстве механизмы проверки и оценки профессиональной пригодности судей, дознавателей, следователей, полагаем, что гипотетически все эти лица являются психически нормальными, относящимися к среднему типу. Вместе с тем у каждого из них соотношение «мыслителя» и «художника» осуществляется в разных пропорциях. Каждый субъект познания обусловлен сугубо индивидуальными особенностями отражения объективной действительности, соотношения чувственного и рационального познания.

Более того, представляется, что именно результат «невербального» следственного действия, занесенный в соответствующий протокол, обеспечивает большую процессуальную доброкачественность полученной информации, чем предлагаемый профессором А. С. Александровым последующий

¹⁰ См.: Зинин А. М. Внешность человека в криминалистике и судебной экспертизе. — М., 2015. — С. 57–58.

¹¹ См.: Данилова Н. Н. Психофизиология: учебник для вузов. — М., 2012. — С. 272–273.

судебный допрос соответствующего сотрудника правоохранительного органа. Так, в ходе производства осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и т. д. дознаватель или следователь фиксируют в протоколе свои мысленные образы непосредственно в момент их возникновения или сразу после. Кроме того, установленная УПК РФ строгая процессуальная процедура указанных следственных действий, сопровождаемая возможностью присутствия адвоката (при обыске или выемке), понятых, правом на ознакомление заинтересованных лиц с протоколом и внесения в него замечаний (возражений) и другими гарантиями, обеспечивает куда большую справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве, чем позиционируемая профессором А. С. Александровым идея деморализации досудебного производства.

В завершение следует отметить, что «невербальный» способ процессуального познания имеет как свои преимущества, так и недостатки. Поэтому задача современных ученых-процессуалистов состоит в том, чтобы не отвергать его как чуждый для нашей науки, а, наоборот, более глубоко исследовать его сущность и разработать такие механизмы его использования, которые бы полностью соответствовали современным принципам уголовного судопроизводства и максимально обеспечивали справедливость и равенство участвующих в нем лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Данилова Н. Н. Психофизиология: учебник для вузов. — М., 2012.
2. Зинин А. М. Внешность человека в криминалистике и судебной экспертизе. — М., 2015.
3. Леви А. А. Избранные научные труды. — М., 2012.
4. Лурия А. Р. Мозг и психические процессы. — М., 1990.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб., 1999.
6. Основы психофизиологии: учебник. / Отв. ред. Ю.И. Александров. — М., 1998.
7. Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3.

8. *Россинский С. Б.* Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. — М., 2015.
9. *Семенцов В. А.* Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юр. наук. — Екатеринбург, 1994.
10. *Хомская Е. Д.* Нейропсихология: учебник для вузов. — СПб., 2013.
11. *Хэссет Д.* Введение в психофизиологию. — М., 1981.